

Дмитрий Ахметшин

ЗВЕРЁК
и лунное окно

Дмитрий Ахметшин
Зверёк и Лунное окно

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Ахметшин Д.

Зверёк и Лунное окно / Д. Ахметшин — «ЛитРес: Самиздат»,
2016

Приключения Зверька и его друзей продолжаются! На этот раз им предстоит помочь великанам вернуться домой, завести дружбу с лунной малышкой и дожждаться, наконец, прихода той самой, желанной, тёплой и мурлыкающей – Весны! Сказка рассчитана на детей от 7 до 12 лет.

© Ахметшин Д., 2016
© ЛитРес: Самиздат, 2016

Глава первая. В которой случается грохот, и друзья пытаются понять, откуда он взялся.

Всё началось с ужасающего грохота.

Словно от огромной белой лакированной чашки, из которой чаёвничает господин Солнце, отломилась ручка, и кружка эта со всем содержимым рухнула вниз. Может, разбилась, а, может, и нет.

Зверёк проснулся с мыслью: «Что может грохотать в таком мягком и пушистом мире?» Он перевернулся на другой бок и уткнулся носом в собственный живот. Портить такую прекрасную дрёму – ну уж нет!

Но ему больше не спалось. Грохот затихал вдали; кусочек эха завалился в трубу и не давал даже сомкнуть глаз.

Середина зимы миновала, воздух загрубел и оделся в корку морозца. Зверёк, как и многие зверушки в этот самый холодный месяц, впал в сонное состояние и целые дни проводил в норке. При таком раскладе он не прочь был вообще заснуть до весны, но Большой Сон что-то совсем про него позабыл. После того как море, словно огромная улитка, уползло в родные края, унося островки смёрзшихся звёзд, снег успел выпасть уже три раза, и о потопах напоминали только клочки водорослей, свисающие с еловых лап.

Едва запахло рассветом, Зверёк отодвинул крышку от кастрюли, которая служила полом в его жилище, и спустился по дымоходу прямо в дом. Там уже не спали.

– Что это так грохотало? – спросил он у призрака, отряхиваясь. С загривка и хвоста поднялись облачка сажи.

Прозрачный мужчина почесал бороду, думая, не чихнуть ли ему, но решил, что сейчас не до таких глупостей.

– Понятия не имею. Дети очень испугались. Томми провалился сквозь кровать.

– Может, это он и грохотал? – спросил Зверёк.

– Не думаю, – улыбнулся мужчина. – Скорее ты услышал бы как падает снег. Мы же не существуем! Следовательно, нас не должно быть слышно.

Он два раза хлопнул в ладоши, и Зверёк действительно ничего не услышал.

Сэр Призрак был в синем в косую клеточку халате. Из бороды его торчал гребень, который мужчина как раз пользовал, когда появился Зверёк. Зеркало перед дверью всё ещё демонстрировало эту пышную бороду, хотя Призрак уже перед ним не стоял. Оно не понимало, как может несуществующий человек ходить, да ещё и расчёсываться. Недоумение это доходило до того, что иногда оно ни с того ни с сего вдруг начинало показывать вместо лица с седыми волосами, бородой и глубокими складками морщин мордочку кролика.

Дети были уже на улице: через окно Зверёк видел Томми, который вышагивал вверх и вниз по стволу сосны и размахивал руками, что-то втолковывая стоящему под деревом брату.

– Будешь завтракать? – спросил сэр Призрак.

– Не знаю, – сказал Зверёк. – Мне не даёт покоя этот грохот.

Но при виде бутылки с молоком, которую призрак достал из погреба в полу, животик заурчал и вытеснил волнующую мысль о ночном пробуждении. Молоко в бутылке, в отличие от ладоней прозрачного мужчины, издавало что-то вроде «буль-буль», и это были самые прекрасные звуки на свете.

– Мне тоже, – признался сэр Призрак, хотя Зверёк уже не помнил, о чём шла речь. В его голове помещалось только что-то одно. – У меня такое чувство, что что-то в мире сдвинулось и сейчас не на своём месте. Вроде как, знаешь, твоя правая и левая лапки вдруг поменялись бы местами. Не сразу сообразишь, что не так, верно?

Во всяком случае, молоко осталось прежним – это Зверёк знал наверняка.

Через полчаса крыша подставила ему свой румяный бок. Было солнечно и тихо. Морозец потрескивал в усах, сугробы настолько глубоки и пухлы, что хотелось вырыть в каждом по норе. Зверёк неуклюже вскарабкался на ветку примыкающего к крыше вяза. Такой способ путешествовать не очень-то был ему по душе, но единственная их лодка снова исполняла никому (кроме ворчливого Талисмана) не нужную роль гнезда на верхушке ели.

Призрак снабдил Зверька важным заданием.

– Пробегишься по лесу, поспрашивай знакомых зверушек и духов, – сказал он, внезапно обнаружив гребень в своей бороде и вернувшись к зеркалу. – Не слышали ли они чего, не видели ли странностей. Мне не нравится, когда случаются вещи удивительней меня. Взять хотя бы ту историю с блуждающим морем и разговорчивыми рыбами...

Он подумал и прибавил:

– Может, правда, повода для беспокойства нет, и это всего лишь пролетел *самолёт*. Но проверить всё равно не мешает.

Перво-наперво Зверёк отправился за Ксёй. Кто кроме неё так хорошо ладит с тайнами?

По Ручейному холму взад и вперёд гуляли ветры. Снег здесь покрылся твёрдой коркой, позёмка, словно сердитая змеюка, бросалась в глаза и морозила слюну в уголках рта. Кустики смородины стояли без снежных шапок и даже без единого сухого листа. Чтобы обмануть могучую невидимую силу, отчаянным птахам, что решали пролететь над холмом, приходилось лететь задом наперёд, а иногда даже кверху лапками.

Призрак говорил, что настал «холодный февраль». Что такое «февраль» лесные зверьки не знали, но что он холодный, сомнения ни у кого не вызывало. Шёрстка у Зверька стояла иголками в попытках уберечь тепло. Даже в самом слове «настал» чудилась какая-то страшная и беспросветная неотвратимость.

Кся, похоже, не испытывала никаких неудобств. Она развлекалась, катаясь туда и сюда по замёрзшему ручью и закладывая лихие виражи. За спиной у неё развевался настоящий парус. Одну из своих курточек Для Дождливой Погоды она натянула на раму из гибких веток. Сама она была в пёстром коричнево-белом свитере с кузнечиками и шапке с помпоном, которые раньше Зверёк не видел. Кся связала их сама, используя пожертвованную сэрмом Призраком пряжу.

– Ю-хуу! – пропела она, лихо подъезжая к Зверьку. – Хорошего утра! Чего такой грустный?

– Ммм... мм.. – протянул Зверёк, напрасно пытаясь разлепить склеенные морозом зубки.

– Малодушный? Не расстраивайся, это совсем не страшно! Я бы предложила тебе заняться *экстремальным спортом*, но боюсь, мой парус тебя не потянет... – Она на секунду замерла, вслушиваясь в мычание Зверька (помпон на шапке качнулся) и воскликнула: – Мелюзга?! Ну и что с того? Везде есть свои преимущества. Кроме того я ещё, может, вырасту!

– Мммороз...

– А! И всего-то? Зато смотри как весело!

Она обвила крошечными ручками шею Зверька.

– Даже в самой ужасной погоде можно найти что-нибудь доброе.

Зверёк ответил:

– Так холодно, что я не вижу ничего доброго. Доброта – это когда тёплая вода, душистые ромашки и во-от такенные шмели.

– Я тебе покажу доброту! – воскликнула Кся. Она взяла пруттик, обхватила его двумя руками, будто огромную поварёшку, и с силой вонзила в снежный наст. Несколько движений, и на снегу уже красуется улыбающаяся рожица с усами и щеками точь-в-точь как у Зверька. – Вот она, доброта глубокой Зимы! Она нас так любит, что хочет обнять крепко-крепко, а мы думаем, что это мороз, и мёрзнем. Глупые!

– Ну не знаю, – засомневался Зверёк. Он потрогал передними лапками улыбающуюся рожицу, рассеяно дорисовал ей ноздри. – Ой!..

Наст внезапно поддался. Рожица расплзлась на множество осколков, и Зверёк оказался по самый кончик хвоста в ледяном и пушистом. Снег залепил глаза и холодными пальцами заполз в уши.

Наверху задорно хохотала и хлопала в ладоши Кся.

– Он всё-таки сумел тебя обнять! Понял? Я была права!

И унеслась танцевать на вершине своего холма, оставив Зверька выбираться из снежной ловушки. Ему стоило немалых трудов вспомнить, зачем он пришёл сюда в такую рань, когда малютка Кся одержима своими великими идеями и любой шаг сулит в лучшем случае купание в снегу. В худшем – между твоими ушами всё-таки приделают парус.

Однако маленькая лесная фея не внесла никакой ясности.

– Я ничего не слышала, – сказала она, когда Зверёк всё-таки смог её догнать. – Не смогла бы при всём желании. Прямо подо мной, там, внизу, живёт бурундук. Он шумит, что твой гром. Особенно когда задевает щеками за стенки норы. Я слышу, как он ест семечки в меду и болтает с клопом по имени Циклоп, что живёт у него за левым ухом... Очень уж несносный бурундук.

– Сэр Призрак очень беспокоится, – сказал Зверёк, и Кся мгновенно посерьёзнала.

– Значит, нужно скорее выяснить, что всё-таки грохотало. Пошли-ка к Шкряблу, может он чего слышал.

Множество звериных следов стекалось к нарисованной на стволе дерева карте. Птичьи – такие, будто кто-то скрупулёзно рисовал их тонкой кистью; следы мелких зверушек и бублей-путешественников; за этими, как обычно, тянулась борозда от вещмешка. Какая-то рассеянная птаха забыла на кусте орешника лётную курточку из плотных листьев лопуха.

Шкрябл уже проснулся.

– А, друзья! Заходите, заходите! Мне прислали грецких орехов, и я как раз готовился выслушать от них историю о великом... нет, ВЕЛИКОМ путешествии. Послушаем вместе!

Сэр Призрак как-то сказал, что дом любого бельчонка напоминает зелёный лабиринт при усадьбе какого-нибудь лорда, и Шкрябл не был исключением. Внутренности сосны изъедены ходами так, что можно с огромным удовольствием заблудиться, а потом найтись в самом неожиданном месте. Там и сям встречаются запасы, которые Шкрябл делает круглый год, чтобы потом о них забыть. На полу спальни действительно возвышалась горсточка орехов.

– Глупый, – засмеялась Кся. – Их нужно пробовать на зубок, а не на язык! Орехи – плохие собеседники, поверь мне.

– Я и попробую, – довольно сказал бельчонок. – Но надо же поговорить! Они проделали такой долгий путь в когтях той сойки и, наверное, знают много интересного. Смотри, какие у них умные сморщенные морды!.. Только вот сегодня я их почти не слышу. Что-то приключилось с моими ушами. Всё время мерещится какой-то свист. Особенно наверху. Чем выше – тем он громче! Такой – «фьююю, фьююю».

Бельчонок сунул в рот два пальца и подул.

Зверёк предположил:

– Наверное, тебя оглушило утренним грохотом.

– Каким грохотом?

– Когда у самолёта отвалилась ручка, – бесхитростно сказал Зверёк.

– Ага, – сказал бельчонок, как будто понял, о чём речь.

Если бы на лесную опушку забрёл кто-то посторонний, вроде нас с тобой, читатель, он вряд ли бы что-нибудь заметил. Лес оставался таким же, как и был – немного шумным, немного тихим, – но с приходом Ужасающего Грохота для живущих в нём зверей всё поменялось. Будто кто-то взял банку, в которой муравьи возводили себе муравейник, и хорошенько её перетряс.

Наверху, среди крон, метались вороны. Из сугроба выплыло что-то колючее, беспрестанно фыркающее и одетое явно не по погоде: в пальто из почти истлевших сухих листьев. Зверёк с трудом узнал ежа. «Слишком рано для ежей», – подумал он. Правильно сказал призрак: мир словно... сдвинулся.

– Доброе утро, – вежливо поздоровалась с ежом Кся. Тот надул щёки.

– Какое уж тут доброе. Весь мир покрыт замёрзшей водой! Хорошо, что какой-то кролик услышал мои вопли под снегом и был столь любезен, что выкопал меня.

Зверёк вспомнил своё внезапное пробуждение и почувствовал симпатию к ежу. Обычно при виде ежей никакой симпатии в нём не просыпалось – а просыпалось желание схватить в зубки ближайшую еду и забраться как можно выше. Ежи слеповаты, и, чуя восхитительный белый гриб или фаршированное червячками яблоко, со всех ног несутся туда, не подозревая, что еда уже может кому-то принадлежать. Но это не всё! Ежи ещё и весьма неуклюжи. Наткнувшись на опешившего хозяина этой еды, они разворачиваются и... утаскивают её на спине. Разумеется, совершенно случайно. Все попытки докричаться до ежа или вернуть лакомый кусочек силой заканчиваются болью в лапках.

Излишне говорить, что ежей мало кто любит.

Этот ёж выглядел ежом себе на уме, то есть таким, у которого найдётся своё сердитое пыхтение для любой жизненной ситуации. Острый чёрный и блестящий нос его беспрестанно шевелился, пышные бакенбарды серебрились инеем. Ёж, а может, ежовая жена или мама, которые ещё не проснулись в своих норках под снегом, заплели их во множество косичек, чтобы шёрстка не свалялась во время спячки. Среди колючек на голове у него красовался кусочек плотной красной ткани, который сам собой с течением времени принял форму беретки с коротким гнутым козырьком.

К подбородку ежа пристала шляпка гриба-маслёнка: он использовал её в качестве подушки, а сейчас задумчиво отцепил от колючек и принялся жевать.

Зверёк благожелательно спросил:

– Как тебя зовут?

– Ёжин с Бажин.

– С Бажин? Это что? Так звали твоего папу?

Ёж довольно захрюкал.

– Это, можно сказать, родовое прозвище.

– «С Бажин» – значит «с болот», – зашептала Кся. – А Ёжин – наверное, ёж. Ёжик с болот.

– Я и сам уже догадался, – пробормотал Зверёк и спросил:

– А где эти болота? Сейчас здесь только снег. А под снегом земля, такая восхитительная, с жучками, росой по утрам, в которой так приятно мочить лапки, с цветами кашки, пахнущими мёдом и... и...

Всё-таки Зверёк очень соскучился по лету.

– Я только что оттуда, – перебил его Ёж. – Ничего такого там нет.

– Знаю, что нет, – грустно сказал Зверёк. – Но всего полгода назад так и было.

Ёж уселся на задницу, отчего начал медленно погружаться обратно в снег. Немного подумав и расправив лапками кисточки на бакенбардах, сказал:

– Мне это знакомо. История прямо как с моими болотами. Может, ты хочешь вступить в общество тоскующих по родным местам? В нём состоял я, да ещё один бумажный самолёт, который летел-летел, и наконец прилетел. Он сказал, что без полёта его жизнь не имеет смысла и, в принципе, я с ним согласен. Но самолёт прошлым летом запустил с сосны этот несносный бельчонок, новенький в нашем лесу, так что теперь я одинок. Впрочем, мне не привыкать. Без моих болот я одинок даже самым шумным весенним днём.

Зверёк спросил:

– Куда же они делись?

– Это долгая история, – сказал Ёжин с Бажин. – И здесь слишком неудобно, чтобы её рассказывать. В округе открыты какие-нибудь заведения?

– Заведения? – переспросил Зверёк.

– Едальни. Помню, летом работала бобровая харчевня, где подавали пончики со смородиновым вареньем и салат из свежих берёзовых почек. Ещё можно было сыграть в кости с завсегдатаями-бобрами.

– У сэра Призрака всем желающим наливают молока. Ещё у Шкрябла на маяке иногда можно попасть на яблочный штрудель. А в остальное время – просто погреться на солнышке. Мы как раз оттуда.

Ёж тряхнул бакенбардами.

– Да уж, не густо. Но если вам и в самом деле интересно, что случилось с моими болотами – коротко говоря, они просто пересохли. Это было ещё до моего рождения, но я всё равно по ним тоскую.

– Очень-очень вам сочувствуем, – пискнула Кся, но Ёжин, кажется, её не услышал. Сопя и разгребая носом снег, он отправился восвояси.

– Ему здесь понравится, – без всякой убеждённости сказала она и поплотнее закуталась в шарфик. – Нужно только распробовать. Зима – как кусочек сахара. Сначала чересчур сладко и жжётся на языке, а потом даже приятно.

Друзья отправились своей дорогой, глаза по сторонам. Всё в мире встало с ног на голову, все направления вдруг утратили смысл, а обычных обыкновений, кажется, не осталось вовсе. Если представить мир огромными песочными часами, то вполне возможно, что ранним утром грохотала последняя упавшая из верхней их части в нижнюю песчинка. Теперь эти часы перевернулись, и олицетворяющая законы природы река внезапно понесла свои воды в другую сторону.

Сойка на нижней ветке молодого дуба стрекотала слишком громко даже для такого необычного утра. Вокруг неё воздух трещал от напряжения, а слушателями выступали сидящие на ветвях сороки, снежные духи, вылепленная кем-то из снега рожица Йена, младшего призракова сынишки, и сам дуб, в силу присущего молодости любопытства выставивший покрывную корой ушную раковину.

– Кошмаррр! – вещала сойка. – Кошмаррр и ужас! Летать стало невозможно. Небесные потоки сместились, ветры изменили направление, а где-то появилась большая-большая форточка, в которую засасывает всё на свете. Рано или поздно туда засосёт саму Землю. Знайте же, птицы, насекомые (в волнении она забыла, какое сейчас время года), ползуны и скользящие, летуны и летунчики, что теперь, если лететь с запада на восток, тебя будет сносить на девятнадцать градусов в сторону левого крыла. Я сама держала путь к тётушке, на ужинный холм, а вон где оказалась!

Глазами-бусинами она скользнула по собравшимся и горестно уронила перо.

– Если птахи не могут больше летать, это самая настоящая катастрофа! – воскликнула Кся, расстроенная до глубины души.

– Не слышали ли вы утром что-нибудь подозрительное? – спрашивал у собравшихся Зверёк. Почти все отвечали, что слышали, но все показывали в разные стороны. Сороки не сказали ничего полезного, но утверждали, что тени на снегу – не менее странно, чем утренний шум.

– Где это видно, – наперебой тараторили они, – что в одном месте снег темнее, а в другом светлее? Вчера такого не было!

Один детёныш, непонятно какого рода и вида, живущий под корягой, так и вообще сказал, что бурчало у него в животе. Кся признала, что это вполне возможно.

– Эти малыши, стоит их оставить без присмотра, вечно едят всякую гадость. Я знала одного зайчонка, который вечно набивал щёки землёй. Он говорил, что самой вкусной его

угощали человеческие дети. Она, де, была в плитках и в смешных шуршащих и блестящих фантиках. Вот уж выдумщик!

– Более беспокойной зимы ещё не случилось, – изрёк недовольный Ёжин, который тоже притопал на шум. – Сначала в мою нору кто-то залил солёную воду, отчего испортились запасы груш, теперь вот вся эта беготня...

«Хорошо бы спросить у кого-то умного, – думал Зверёк. – Или хотя бы кого-нибудь, кто мыслит не так, как другие». Но Ух улетел навестить бабулю в морошковом овраге, а Талисман четыре дня назад погрузился в свою ежегодную медитацию и пробудет бесполезным, болтающимся на ветке куском дублёной кожи до начала весны.

– Нам нужен свидетель, – сказала Кся, которой беготня по лесу тоже порядком наскучила. Ещё минуту назад она играла во всадника и ездового зверька, восседая у папаши на загровке и дёргая за усы, как будто за уздечку, а теперь повисла на его хвосте, обхватив всеми четырьмя конечностями. – Очевидец. Кто-то, кто не спал ночью.

Ёжин фыркнул.

– Скорее всего, сейчас он спит.

И точно. Ни одна летучая мышь в гроте не отреагировала на попытки друзей их разбудить, ни одна из родственниц Уха не соизволила найтись ни в одном дупле, в какое ни заглядывали бы Зверёк с Ксёй. Летом можно набрать целое ведро зверят, насекомых и различных духов, которые бодрствуют ночью, стоит только пообещать им бутербродов со щавелем и черничным джемом. Сейчас же на зов могут сбежаться только волки, которые джемом явно не удовлетворятся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.